

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. А. МАЛЕВИЧА-МАЛЕВСКАГО ¹⁾

Г л а в а III-я.

(Дѣтство).

Я родился 8 Декабря 1855 года слабымъ, тщедушнымъ, такъ что въ первые мѣсяцы моей жизни не чаяли, что останусь я живъ. Заботливый уходъ въ бабушкиномъ домѣ послужилъ мнѣ въ пользу. Съ того дня, какъ меня перевезли въ Скатертный переулокъ, здоровье мое стало поправляться и хотя ребенкомъ я не отличался крѣпкимъ сложеніемъ, но никакихъ недуговъ, благодаря Бога, во мнѣ не оказалось.

По возвращеніи изъ Кочетка ²⁾, меня и сестру помѣстили въ бабушкиномъ домѣ ³⁾ наверху. Я спалъ въ комнатѣ старой бабушки Дарьи Карловны, а сестра въ „туалетной“ молодой бабушки Юліи Ѳеодоровны, рядомъ съ комнатою тетки Надежды Александровны. Такимъ образомъ случилось, что я попалъ подъ особое покровительство старой бабушки, а сестра Еничка подъ вліяніе тетушки. Между ними, конечно, вскорѣ возникло нѣкоторое изъ-за насъ ревнованіе, и такъ какъ старые люди вообще склонны баловать дѣтей, а я къ тому же былъ младшій, то мнѣ перепало больше всякихъ сластей, чѣмъ сестрѣ. Старушка

¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1908 г. выпускъ 5-й.

²⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1909 г. выпускъ 5-й.

³⁾ Домъ этотъ въ Скатертномъ переулкѣ (между Большой Никитской и Поварскою улицами) нынѣ принадлежитъ Евгеніи Андреевнѣ Лукиной, рожденной Малевичъ-Малевской, вдовѣ извѣстнаго даровитаго писателя („Скромнаго Наблюдателя“). Она унаслѣдовала это довольно просторное владѣніе, выходящее и въ Хлѣбный переулокъ, послѣ дѣда своего, по матери Александра Ивановича Розова, который вторымъ бракомъ (имѣя малолѣтнихъ сына и двухъ дочерей) женился на Юліи Ѳеодоровнѣ Кунишъ. Мать сей послѣдней, Дарья Карловна, вдова Кунишъ, сдѣлалась воспитательницей ея пасынка, Николая Андреевича Малевича-Малевскаго, нынѣ нашего посланника въ Японію, оказывающаго „Русскому Архиву“ честь сообщеніемъ своихъ раннихъ воспоминаній. П. Б.

прибѣгала для этого къ хитростямъ, напр., когда ея дочь Юлія Ѳедоровна*) одѣляла насъ пастилой, мятными пряниками или Французскимъ черносливомъ, она выпрашивала и себѣ что нибудь и потомъ тихонько передавала мнѣ, запрещая говорить объ этомъ теткѣ; или заманивала меня въ укромный уголокъ и угощала ломтиками бѣлаго хлѣба съ густымъ слоємъ варенья.

Съ бабушкиной комнатою связаны у меня самыя прекрасныя воспоминанія дѣтства. Бавало, рано утромъ, всѣ въ домѣ еще спать, а я уже сижу съ бабушкой Дарьей Карловной у окна ея комнаты и наблюдаю съ нею за тѣмъ, что дѣлается внизу, во дворѣ. Вотъ приземистый, сѣдобородый кучеръ Осипъ Филипповъ отворяетъ ворота каретнаго сарая и несетъ, засуча рукава на жилистыхъ, волосатыхъ рукахъ, вѣдра съ водой въ конюшню поить лошадей; старая собака Бѣлка вылѣзла изъ конуры и, радостно виляя хвостомъ, вертится около его ногъ; вотъ кухарка Арина Анисимовна вышла изъ кухни съ самоваромъ и вытряхиваетъ изъ него вчерашніе холодные уголья, куры бѣгутъ къ ней черезъ дворъ, сопровождаемыя важнымъ, золотистымъ пѣтухомъ. Филиппычъ выводитъ лошадь и закладываетъ ее въ бочку, что стоитъ во дворѣ на дрогахъ, рядомъ съ дровами, сложенными подъ навѣсомъ; потомъ съ шумомъ выѣзжаетъ со двора за водой на Арбатскую площадь, къ фонтану. Вотъ горничная молодой бабушки Юліи Ѳедоровны, Софья Михайловна, идетъ къ флигелю и по открытой, деревянной лѣстницѣ съ перилами взбирается на чердакъ, гдѣ стоитъ катокъ и просушивается бѣлье. Ее остававливаетъ живущая во флигелькѣ вдова причетника Анна Богдановна и занимаетъ разговоромъ. Наконецъ, Софья Михайловна скрывается на чердакъ и черезъ нѣсколько минутъ возвращается оттуда съ ворохомъ бѣлья на рукахъ. Она несетъ его въ садъ, гдѣ развѣшиваетъ на веревкахъ, протянутыхъ вдоль задней дорожки. Послѣ завтрака на прогулкѣ мы будемъ издали смотрѣть, какъ вѣтеръ треплетъ полотенца и парусомъ раздуваетъ сырыя простыни.

Въ 9 часовъ старая бабушка спускалась со мной внизъ, въ ванную, гдѣ разливала чай, при чемъ украдкою прибавляла мнѣ лишній кусокъ сахару въ чашку. Сестра приходила туда-же съ няней или молодой бабушкой Юліей Ѳедоровной, а нѣсколько позже являлся и дѣдъ свѣже-выбритый и по обыкновенію шутливый, въ своемъ сѣромъ халатѣ съ свѣтлымъ фуляромъ на шеѣ. Тетка Надежда Александровна вставала поздно, часовъ въ 12, и пила кофе у себя въ комнатѣ.

*) Наша мачиха.

Послѣ чая мы съ сестрой шли играть въ залу, гдѣ проводили большую часть дня. Комната эта, самая просторная въ домѣ, замѣняла намъ дѣтскую. Особенно весело тамъ было въ ясную погоду: солнечные лучи проникали черезъ листву растений на окнахъ и свѣтлыми пятнами падали на гладко-натертый полъ; золоченныя рамки картинъ горѣли на стѣнахъ; синеватая полоса пылинокъ кружились въ воздухѣ; пахло воскомъ отъ паркета и сыроватой землею отъ горшковъ съ растеніями; въ окна глядѣли сосѣдніе, такіе-же какъ нашъ, особнячки Скатернаго переулка. Мы радовались солнцу и играли вдвоемъ съ сестрой въ лошадки, въ солдаты и въ куклы, прислушиваясь къ уличному движенію.

Въ Московскихъ закоулкахъ весной неумолчно поютъ пѣтухи, гудятъ разбитыя шарманки, перекликаются разнощики ягодъ, овощей и фруктовъ; тряпичники уныло причитываютъ: „старога старья, сапоговъ, старога платья продавать“; продавцы половиковъ протяжно повторяютъ: „ковры половые“. Мы ловимъ эти разнообразные звуки и сами начинаемъ играть въ разнощиковъ, громко выкрикивая: „пельцыны, алимоны, крупна спаржа“ и т. п. Старая бабушка, которая осталась въ диванной, заглянетъ иногда къ намъ и вмѣшается въ нашу игру, расплачиваясь горсточкой сладкаго изюма за купленные у насъ товары.

Такъ идетъ время до завтрака. Потомъ няня Ольга Матвѣевна ведетъ насъ гулять: зимой—въ шубахъ, барашковыхъ шапочкахъ съ наушниками и въ мѣховыхъ рукавичкахъ, въ переулкахъ, а лѣтомъ—въ садѣ, гдѣ мы оставались до обѣда подѣ присмотромъ старой бабушки, которая наблюдала за нами, сидя у открытаго окна въ диванной (на воздухъ выходила она рѣдко). Въ саду я очень любилъ копаться въ рыхлой душистой землѣ, подѣ кустами сирени, и вырывать бѣлые корешки побѣговъ. Разломанные на ровные кусочки, корешки эти въ нашихъ играхъ изображали спаржу.

Почти каждый день весной въ хорошую погоду приходила въ садъ играть съ нами прелестная, бѣлокурая дѣвочка, Кикина Долгорукая, дочь нашихъ жильцовъ. У бабушки было два дома—одинъ въ Скатертномъ переулкѣ, гдѣ мы жили, а другой въ Хлѣбномъ, который отдавался въ наймы. Домъ въ Хлѣбномъ переулкѣ, также особнякъ съ мезониномъ, занятъ былъ въ то время сенаторомъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Долгорукимъ и его семьей состоявшей изъ жены Софіи Никаноровны и двухъ дочерей—Наталіи и Екатерины. Княжна Наталія была уже взрослой дѣвицей, а младшая Кикина была нашихъ

лѣтъ. Ее всегда сопровождала старая нянька, необыкновенно толстая и нетерпѣливая, наводившая на меня страхъ. Нянька часто громко журила Кикину за выпачканное платье или спутанные волосы. Кикина выслушивала старуху съ надменностью, и это мнѣ почему-то очень нравилось въ моей маленькой пріятельницѣ. Вообще я восхищался ей и охотно исполнялъ всѣ ея капризы въ нашихъ играхъ я обыкновенно изображалъ повара или лакея, а она барыню. Поваръ напивался, лакей грубилъ, а барыня дѣлала имъ выговоры, потомъ прощала ихъ повинности и допускала „къ ручкѣ“. Игру эту мы варьировали до безконечности разными подробностями. Какъ теперь вижу передъ собой маленькую Кикину: ея круглое, съ большими темными глазами личико, ея длинные свѣтлые, какъ лёнъ, локоны, ея бѣлое пикейное платье до колѣнъ. Иногда вслѣдъ за Кикиной приходилъ въ садъ ея отецъ и угощалъ насъ леденцами „монпасе“. Онъ былъ невысокаго роста, худощавъ и уже очень немолодъ, но отличался большой живостью и смѣшилъ насъ своими гримасами и шутками. Князь Д. И. Долгорукій въ 50-ыхъ годахъ ѣздилъ посланникомъ въ Персію, а затѣмъ, назначенный сенаторомъ Московскихъ департаментовъ, доживалъ свой вѣкъ въ Москвѣ. Жена его, княгиня Софья Никаноровна, рожденная Хитрова, впоследствии, овдовѣвъ, завѣдывала однимъ изъ Московскихъ институтовъ. Она иногда навѣщала бабушку Юлію Федоровну. Мнѣ помнится, какъ разъ она пѣла у насъ вечеромъ дуэтъ съ своимъ мужемъ: „мы двѣ Цыганки чернобровыя“, при чемъ князь дѣлалъ уморительныя гримасы. Всѣ присутствующіе смѣялись, до того комично сѣдовласый сенаторъ изображалъ чернобровую Цыганку, у которой въ крови „огонь запылалъ“.

Къ сожалѣнію, Долгорукіе не долго оставались въ нашемъ домѣ. Съ переѣздомъ ихъ на другую квартиру кончились игры съ Кикиной въ саду. Много лѣтъ спустя, когда я былъ уже студентомъ, увидѣлъ я въ нашей приходской церкви Ржевской Божіей Матери, на Поварской княгиню Софью Никаноровну съ высокой изящной дѣвушкой, въ которой я сейчасъ узналъ Кикину, но подойти къ ней не посмѣлъ...

Послѣ обѣда мы иногда шли съ „молодой бабушкой“ въ залу. Тамъ въ длинныя, зимнія сумерки Юлія Федоровна любила „музицировать“ и садилась за рояль. Бабушка играла по слуху отрывки изъ „Аскольдовой могилы“ или „Роберта Діавола“ и пѣла намъ старинныя романы, въ родѣ: „Какъ хорошъ неправда-ль, мама, постоялецъ нашъ румяный! Боже мой, Боже мой, еслъ-бъ онъ теперь былъ мой!“ или: „А кукушка, куковала, сидя на своемъ суку: а куку, а ку-ку, а куку, куку, куку“. Мы съ сестрой садились на скамеечку бабушкиныхъ

ногъ и слушали ее съ восхищеніемъ. А въ залѣ было таинственно и жутко: въ послѣобеденные часы олеиновую лампу не зажигали, и комната освѣщалась узенькими полосками свѣта отъ уличнаго фонаря, мерцавшаго сквозь щели закрытыхъ ставень. Но вотъ бабушка начала играть вальсъ изъ „Волшебнаго Стрѣлка“ или шумный „Гросфатеръ“, и мы пускались въ плясъ или мѣрно ходили съ сестрой подъ музыку, то держась за руки, то встрѣчаясь и размѣниваясь поклонами и присяданіями.

Мы любили также забираться передъ вечернимъ чаемъ въ комнату старой бабушки и залѣзать на маленькій диванчикъ у печки, гдѣ Дарья Карловна сиживала въ сумерки, отдыхая отъ дневныхъ хозяйственныхъ заботъ. Мы запрятавались за ее спину, и тутъ намъ открывался волшебный міръ сказочныхъ видѣній. „Бабушка, расскажи намъ что нибудь“, просили мы, и бабушка начинала рассказывать по-нѣмецки о злыхъ вѣдьмахъ, таскающихъ дѣтей, о зачарованныхъ принцессахъ, спящихъ въ лѣсу, о разбойникахъ, поджидающихъ въ волчьихъ ямахъ запоздалаго путника. Бабушка каждый день говорила новую сказку, и каждая сказка была полна неожиданныхъ приключеній и ужасовъ, но всегда кончалось хорошо: украденныхъ дѣтей возвращала домой бѣлая птица, спящую красавицу будилъ безстрашный витязь, ограбленнаго путника выручалъ проѣзжій богатырь. Намъ весело и жутко, мы жмемъ къ бабушкѣ и посматриваемъ изъ-за ее спины на луну, которая свѣтится въ незавѣшанномъ окнѣ.

Der Mond der schelnt so hell,

Die Foten reiten schnell говорила бабушка, изъ Леноры-Бюргера.

Около 9 часовъ вечера насъ укладывали спать. Такъ какъ я спалъ въ комнатѣ старой бабушки на диванчикѣ, то она заботилась, чтобы мнѣ было мягко и тепло: подстилала подъ мою простыню свою пуховую перинку и покрывала меня сверхъ одѣяла ватнымъ халатикомъ: въ зимнее время еще клала мнѣ на ноги вышитую шерстями подушку. А чтобы я скорѣе заснулъ, садилась рядомъ со мной въ кресло и, положивъ на меня свою руку, напѣвала вполголоса Нѣмецкія колыбельныя пѣсенки. Привожу тѣ, которыя остались у меня въ памяти:

Schlaf, mein Kindchen, schlaf.

Da draussen steht ein Schaf,

Das hat vier weisse Füße,

Das giebt dir Milch so süsse.

Schlaf, mein Kindchen, schlafe,

Da draussen stehen zwei Schafe,

Ein schwarzes und ein weisses,

Die wollen mein Kindchen beissen.

Schlaf, mein Kindchen, feste,
 Da draussen stehen die Gäste;
 Die Gäste die da kommen herein,
 Sollen lauter Tanten und Mumen sein.

„Suse, liebe Suse, was ritschelt im Stroh?“
 „Das sind die lieben Gänse, die haben keine Schuh,
 Der Schuster hat Leisten, kein Leder dazu.“
 „Suse, liebe Suse,.....“

Конецъ этой пѣсни не помню, такъ какъ обыкновенно на ней засыпалъ.

Дарья Карловна была съ нами чрезвычайно добра и терпѣлива: никогда не дѣлала намъ замѣчаній и не возвышала на насъ голоса. Ея полное, изрѣзанное тонкими морщинками, свѣтлое лицо, дышало лаской и участіемъ. На насъ она смотрѣла, какъ на сиротинокъ—дѣтей ея любимой, такъ рано умершей внучки Катеньки; вся теплота ея сердца отдавалась намъ. Накормили-ли дѣтей? одѣли-ли ихъ какъ надо? не обижаютъ-ли кто? этими вопросами она постоянно тревожилась, и Боже сохрани, затронуть насъ при ней: всегда кроткая и спокойная бабушка дѣлалась сейчасъ-же рѣзкой и повелительной. Всѣ наши дѣтскія вины вольныя и невольныя брала она на себя. „Кто пролилъ молоко на скатерть, кто разбилъ стаканъ?“ „Это я“ рѣшительно и поспѣшно отвѣчала старуха, не давая намъ времени ротъ открыть въ свое оправданіе. Насъ вообще никогда никто не наказывалъ; но и малѣйшая попытка сдѣлать намъ въ присутствіи старой бабушки, выговоръ вызывала съ ея стороны гнѣвный отпоръ: Я былъ постояннымъ спутникомъ ея по дому и часами не отходилъ отъ нея, стараясь помогать ей; часто носилъ за ней, изъ комнаты въ комнату, ея табакерку, палку или очки; съ радостью исполнялъ ея маленькія порученія: принести забытый на верху носовой платокъ или ключи, позвать прислугу и т. п.

Дарья Карловна прожила въ Россіи болѣе пятидесяти лѣтъ, но Русскому языку совершенно не научилась. Это давало поводъ къ разнымъ забавнымъ недоразумѣніемъ съ прислугой. Напр. вмѣсто „принесите мой чепецъ“, она говорила горничной: „принесите мой лепешка;“ когда нужно было скосить траву въ саду, приказывала кучеру Осипу Филиппычу „трафай трубитень на садъ“, а онъ понималъ, что ему велятъ дрова рубить въ саду. На какойнибудь спѣшный, хозяйственный запросъ со стороны кухарки Арины Анисимовны отвѣчала ей, махнувъ рукой: „Маменька (такъ называлъ свою тещу дѣдушка) Александръ, Нѣмецъ, нихтъ-чего-понимай!“

Старушка скончалась въ глубокой старости 89 лѣтъ, послѣ краткой болѣзни, которая продолжалась дня два (10 Мая 1867 года). Утромъ, вытирая шею и грудь холодной водой, что бабушка дѣлала ежедневно, она почувствовала себя дурно. Послали за докторомъ, который не нашелъ въ ней никакой болѣзни и недомоганіе объяснилъ старческой дряхлостью. Но бабушка съ каждымъ часомъ слабѣла и наконецъ впала въ глубокой сонъ, отъ котораго уже не очнулась. Мы похоронили ее рядомъ съ покойнымъ ея мужемъ Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ Кунишемъ, на Введенскихъ горахъ въ Москвѣ¹⁾.

За послѣдніе мѣсяцы своей жизни, она, по слабости ногъ, уже не спускалась внизъ и не занималась хозяйствомъ, а больше сидѣла въ своей комнатѣ на диванчикѣ, около печки и смотрѣла молча передъ собой. „Бабушка приставали мы къ ней, о чемъ ты думаешь, когда сидишь такъ цѣлый день одна?“ „О васъ, дѣтки, отвѣчала бабушка, ласково притягивая насъ къ себѣ, обо всѣхъ думаю и молюсь“.

Въ годъ кончины Дарьи Карловны у насъ всю зиму прогостили двѣ ея пріятельницы Анна Яков. Гольмъ и Августа Карл. Донплеръ, обыкновенно жившія въ Петербургѣ. Обѣ эти добрыя старушки много занимались нами и забавляли насъ рассказами, пѣніемъ и разными играми. Анна Яков. Гольмъ даже сама увлекалась такими дѣтскими забавами; на примѣръ, была игра, въ которой я изображалъ фельдмаршала Суворова, а она Императрицу Екатерину. Я являлся къ своей повелительницѣ по утрамъ съ докладомъ, въ полной парадной формѣ, при шпагѣ, орденахъ и въ треугольной шляпѣ, изъ газетной бумаги. Анна Яковлевна принимала меня съ подобающимъ величіемъ, выслушивала реляціи одержанныхъ мною побѣдъ и въ награду давала цѣловать свою руку, что я исполнялъ, преклонивъ колѣно. Своимъ высокимъ ростомъ, крупными, выразительными чертами лица и сѣдыми пышными волосами Анна Яковлевна вполне отвѣчала „au physique de l'emploi“²⁾ и такъ входила въ свою роль, что требовала и отъ другихъ такихъ же знаковъ высокопочитанія, которые я ей оказывала. Она была вдовой полковника и любила рассказывать, какъ въ молодости на полковыхъ праздникахъ танцевала съ Великими Князьями и даже Государемъ Николаемъ Павловичемъ. На старости лѣтъ она жила скромной пенсіей послѣ мужа и часто утруждала Коммиссію Прошеній

¹⁾ На поставленномъ Дарьѣ Карловнѣ памятникѣ на Лютеранскомъ кладбищѣ, по желанію ея дочери Юліи Ѳеодоровны, вырѣзаны слѣдующія слова: „Schlafe sanft, liebe Mutter!“

²⁾ Ея природа соответствовала ея положенію.

ходатайствами о пособіяхъ. Просьбы на Высочайшее имя писалъ обыкновенно я подъ ея диктовку, выводя своимъ дѣтскимъ почеркомъ витѣватыя выраженія, въ родѣ: „припадая къ стопамъ Вашего Величества и лобызая ступени трона“. Не смотря на плохое знаніе Русскаго языка, Анна Яковлевна очень искусно сочиняла подобныя просьбы, нерѣдко имѣвшія успѣхъ.

Другая пріятельница бабушки А. К. Допплеръ была живая, бойкая старушка съ сѣдыми „тирбишонами“ кругомъ головы, подъ затѣйливымъ чепцомъ съ лентами. Она болтала безъ умолку, постоянно шила себѣ наряды и громко смѣялась, заражая всѣхъ своею веселостью. Она скончалась въ глубокой старости въ 1882 г.

Дочь „старой бабушки“ Дарья Карловны—„молодая бабушка“ Юлія Ѳедоровна, жена Александра Ивановича Розова и мачиха моей матери Екатерины Александровны, была женщина весьма замѣчательная. Когда отецъ привезъ насъ изъ Кочетка обратно въ Москву, въ старый домъ по Скатертному переулку, бабушкѣ Юліи Ѳедоровнѣ было около 50 лѣтъ, но она была чрезвычайно моложава и отличалась живымъ, веселымъ и привѣтливымъ нравомъ.

Внѣшностью своею она нѣсколько напоминала Императрицу Екатерину II и была извѣстна этимъ сходствомъ среди Московскихъ сторожиковъ въ то время, когда еще выѣзжала въ свѣтъ. Средняго роста, умѣренной полноты и крѣпкаго тѣлосложенія, бабушка Юлія Ѳедоровна отличалась необыкновенной бѣлизной лица, шеи и рукъ. Высокій лобъ правильный носъ, круглый подбородокъ, тонкія яркоочерченныя губы, на которыхъ всегда играла привѣтливая улыбка, часто алѣющія нѣжныя щеки—все это освѣщалось ясными, свѣтло-карими глазами, необыкновенно живыми и пронизательными. Всегда затянутая въ высокій корсетъ, изящно одѣтая, съ черной кружевной наколкой въ волосахъ, съ тонкимъ батистовымъ воротничкомъ на слегка открытой шеѣ, бабушка своимъ открытымъ взглядомъ, быстрой увѣренной походкой, непринужденной живостью движеній, невольно привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе. Стоило ей войти въ комнату, какъ самое скучное общество оживлялось, молодежь начинала весело болтать, кто постарше спѣшилъ поближе подойти къ Юліи Ѳедоровнѣ и завязать съ ней разговоръ—и всякому она находила любезное привѣтливое слово, всѣхъ умѣла очаровать радушнымъ пріемомъ, участливымъ распросомъ, ласковой простотой обхожденія. Обладая пріятнымъ, груднымъ голосомъ, бабушка говорила легко, охотно и непринужденно, свободно

выражаясь на трехъ языкахъ, Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ. Всякое дѣло спорилось у нея въ рукахъ и удавалось ей. Это была богато одаренная, рѣдко счастливая природа, сохранившая до старости всю прелесть искренней непосредственности, весь запасъ молодой энергій и веселости. Замѣчательно, что личная жизнь Юліи Ѳедоровны далеко не способствовала сохраненію ея жизнерадостнаго настроенія. Она гонялась и объ участи своего неудачника сына, и о кончинѣ моей матери, и о потерѣ состоянія родителей-стариковъ Кунишей. Но непоколебимая твердость духа, горячая вѣра въ Провидѣніе, сознание исполненнаго долга и ясный, логическій умъ, были надежнымъ оплотомъ противъ жизненныхъ невзгодъ, соблазновъ и разочарованій. Безъ преувеличенія можно сказать, что Юлія Ѳедоровна до конца дней своихъ (она скончалась 68 лѣтъ отъ роду) сберегла все сокровище своего любвеобильнаго сердца. Любовь, въ высшемъ значеніи этого слова, была безспорно главнымъ двигателемъ, руководящей звѣздой ея жизни: она беззавѣтно любила своего мужа, который былъ старше ея на 15 лѣтъ, съ горячей материнской заботливостью относилась къ своимъ падчерицамъ, Катенькѣ и Наденькѣ, болѣла сердцемъ за своего несчастнаго, единственнаго сына, со страстной нѣжностью привязалась къ намъ, ея осиротѣвшимъ внукамъ. Но въ любви этой не было ничего ни сентиментальнаго, ни потворствующаго. Напротивъ, казалось, тѣмъ требовательнѣе была она къ предмету своего чувства. Мы, дѣти, не были въ этомъ случаѣ исключеніемъ: бабушка и къ намъ относилась со строгой безпристрастностью. Насколько насъ баловала „старая бабушка“, настолько, при всей своей привязанности къ намъ, Юлія Ѳедоровна послѣдовательно руководила нашимъ воспитаніемъ. Насъ никогда не наказывали, но не по снисходительности къ намъ, а потому что намъ и въ голову не приходило ослушаться запрещанія бабушки; не исполнить приказанія, возразить на ея властное слово.

При такихъ личныхъ качествахъ нашей воспитательницы, дѣло нашего первоначальнаго обученія шло съ постоянной правильностью. Будучи по рожденію Лютеранкой, Юлія Ѳедоровна имѣла большую склонность къ Православной церкви и усердно посѣщала всенощныя и воскресныя обѣдни въ нашей приходской церкви Ржевской Божіей Матери, что на Поварской. Вообще она любила и твердо знала церковную службу и, не вдаваясь въ догматическія разсужденія, придавала большое значеніе нашимъ церковнымъ обрядностямъ и обычаямъ, даже соблюдала, не смотря на свое иновѣрчество, главнѣйшіе посты. Божница въ ея спальнѣ была полна семейныхъ иконъ, передъ которыми теплилась день и ночь неугасимая лампада; особенно почитала она

иконы Казанской Божіей Матери и Покрова, передъ которыми два раза въ годъ, подъ 1 и 22-ое Октября, служились у насъ въ домѣ всенощныя причтомъ Ржевской церкви *). На Страстной недѣлѣ не пропускала она ни одной службы и, считая за особенное удовольствіе посѣщать отъ времени до времени Кремлевскіе храмы, безъ утомленія выстаивала долгія архіерейскія служенія въ Успенскомъ соборѣ, въ Чудовомъ монастырѣ или у Двѣнадцати Апостоловъ.

Такое благочестіе пробудилось у бабушки Юліи Ѳедоровны не сразу. Тайственный въ ея жизни случай далъ толчекъ ея приверженности къ Русской церкви. Это случилось во время скитаній сына ея Константина, послѣ неудачъ его въ военной службѣ. Отъ него много мѣсяцевъ не было вѣстей, и бабушка очень беспокоилась. Засыпая ночью съ тревожными мыслями, видитъ она сонъ: кто-то ей говоритъ, что нужно молиться святому, а какому святому, разобрать она не можетъ и съ тѣмъ просыпается. Слышитъ: по спальнѣ кто-то идетъ, шурша шелковымъ одѣяніемъ, и въ мерцающемъ свѣтѣ лампы мелькнула тѣнь монаха въ высокомъ клобукѣ, въ длинной мантии: подходитъ къ кіоту и пропадаетъ, а въ тишинѣ слышится явственный голосъ: „Савва преподобный!“ Бабушка вскрикнула и разбудила дѣда, который спалъ въ той же комнатѣ на кушеткѣ. Александръ Ивановичъ съ трудомъ могъ успокоить жену, а на другой день поѣхалъ на Никольскую и вымѣнилъ образъ преподобнаго Саввы Звенигородскаго. Въ тотъ же годъ, лѣтней порой, дѣдъ съ Юліей Ѳедоровной ѣздили въ Саввинскій монастырь, близъ Звенигорода, поклониться мощамъ угодника. Бабушка увѣряла, что, до этой знаменательной ночи, она никакого понятія не имѣла о пр. Саввѣ и даже самое имя его было ей незнакомо.

Другое загадочное событіе случилось съ бабушкой вскорѣ послѣ переѣзда ея съ дѣдомъ въ Скатертный переулокъ. Также во снѣ увидѣла она образъ Покрова Богородицы, будто у нея въ кіотѣ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Черезъ нѣсколько дней, опять тотъ же сонъ повторился. Стали искать въ домѣ и нашли на чердакѣ небольшой образъ Покрова Богородицы, который и былъ поставленъ въ кіотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ привидѣлся онъ бабушкѣ. Съ того времени наканунѣ праздника Покрова у насъ въ домѣ ежегодно служилась всенощная.

Бабушка Юлія Ѳедоровна приучала и насъ дѣтей съ малыхъ лѣтъ къ церкви и часто брала насъ съ собой ко обѣднѣ и ко всенощной. Если же въ Воскресенье не удавалось намъ быть въ церкви, то передъ

*) Не менѣе чтился у насъ въ домѣ Животворящій Крестъ съ частицей мощей отказанный бабушкой по завѣщанію въ ту же церковь.

полднемъ звала насъ къ себѣ въ спальню, затворяла дверь и читала намъ по-нѣмецки Евангеліе и Посланіе Апостоловъ „на вскрышку“, а затѣмъ заставляла говорить „Отче нашъ“ и отпускала. Признаюсь, мы, дѣти, не всегда хорошо понимали читаемое изъ толстой Нѣмецкой Библии съ картинками, но очень любили эти чтенія, такъ какъ послѣ нихъ чувствовалось какое-то праздничное настроеніе въ теченіи остальной половины дня. Въ Лютеранскую кирку (св. Петра и Павла, что на Моросейкѣ) бабушка Юлія Ѳедоровна ѣздила рѣдко. раза три-четыре въ годъ, только чтобы причаститься въ Среду на Страстной недѣлѣ у пастора Дикгофа. Мы охотно сопровождали ее, и намъ доставляло большое удовольствіе слушать прекрасный органъ и пѣть по молитвеннику псалмы, общимъ хоромъ, какъ это принято въ Лютеранскихъ церквахъ.

Особенно торжественно праздновали мы дни Рождества и Пасхи, когда исполненіе обычаевъ благочестія перемѣшивалось съ различными домашними приготовленіями и обычаями. Къ Рождеству весь домъ приводился въ чистоту и порядокъ: прислуга сметала пыль со стѣнъ, мыла подоконники и двери, вытирала мягкой бумагой окна и зеркала, чистила тертымъ кирпичемъ мѣдныя дверныя ручки, оконные приборы и печныя отдушины. Затѣмъ начиналось приготовленіе всего нужнаго для уборки ёлки и Рождественскаго стола. Особенно занимательно было печеніе домашнихъ куличей. Кромѣ нѣсколькихъ куличей и бабъ для общаго употребленія, пекли еще по куличу для каждаго члена семьи особо, различныхъ величинъ. И намъ дѣтямъ пекли по куличу или по сдобной куклѣ, у которой носъ, глаза, ротъ, пуговицы на платьѣ и поясъ изображались изюминами. Чтобы наготовить всѣ эти куличи, за три дня до наступленія праздниковъ, на верхъ, вечеромъ, приносились нужные припасы: мука, масло, сливки, сахаръ, изюмъ, корица, кардамонъ, ваниль, шафранъ, миндаль и мускатный орѣхъ. Вся семья принимала участіе въ приготовленіи тѣста для куличей: одни растирали масло съ толченымъ сахаромъ, другіе перебирали изюмъ, третьи шелушили обваренный миндаль или толкли корицу и мускатный орѣхъ въ ступкѣ. Когда тѣсто было замѣшано сливками и яичными желтками, нужно было мѣсить его деревянной лопаткой цѣлыми часами, подбавляя то сахару, то ванили, то масла. Всѣ принимали поочередно участіе въ этой нелегкой, но веселой работѣ. И намъ, дѣтямъ, разрѣшалось два-три раза повернуть лопаткою упругое, тяжелое тѣсто, для чего мы также, подражая прочимъ, подвязывали себѣ чистыя полотенца въ видѣ фартука и засучивали рукава. Веселое оживленіе свѣтилось на всѣхъ лицахъ. Нерѣдко въ этихъ приготовленіяхъ уча-

ствовали и ближайшіе друзья семьи Розовыхъ; тогда шуткамъ и смѣху не было конца.

Помню первую нашу ёлку. Мнѣ было тогда лѣтъ шесть. Украшенія, лакомства, игрушки—все было куплено безъ нашего вѣдома. Мы видѣли только, что въ залу пронесли какіе-то пакеты, завернутые въ сѣрую бумагу, и большую ёлку. Входъ въ залу былъ для насъ закрытъ вплоть до вечера Сочельника. Наконецъ наступилъ желанный мигъ: насъ привели къ залѣ и поставили передъ закрытой дверью, приказавъ прочитать „Богородицу“. При послѣднихъ словахъ молитвы дверь распахнулась (я былъ увѣренъ, что отворяетъ ее ангелъ), и глазамъ нашимъ предстало чудное зрѣлище: въ залѣ, въ углу подъ образами, блистала множествомъ огней пышная зеленая ёлка, отъ которой шелъ пріятный смолистый запахъ; вся ёлка, доходившая почти до потолка, завѣшана была золотыми орѣхами, мятными пряниками, гроздьями сухого изюма, румяными Крымскими яблоками и ярко-красными леденцами, изображавшими пѣтушковъ, коней и рыбъ. Подъ ёлкой, на стульяхъ лежали подарки, покрытые листами оберточной бумаги. Мнѣ досталась лошадь, запряженная въ розвальни, сабля и серебряные эполеты. Сестра получила куклу въ сарафанѣ и кокошникѣ съ лентами, корову на колесикахъ и жестяную кухню съ посудой. Вся семья была въ сборѣ при раздачѣ подарковъ; на отдѣльномъ подносѣ, покрытомъ салфеткою, разложены были всякія сласти—финики, шептала, Французскій черносливъ, Грецкіе орѣхи въ сахарѣ, миндаль въ скорлупѣ. Мы могли лакомиться сколько угодно, но были такъ увлечены ёлкой и подарками, что ни къ чему не дотрагивались. Ёлка стояла убранная три дня, и три вечера подъ рядъ зажигали на ней свѣчи.

Приготовленія на Пасхѣ носили въ нашемъ домѣ нѣсколько иной характеръ: въ нихъ входило больше благочестиваго приѣма. Всю Страстную недѣлю соблюдали мы строгій постъ: въ Среду и Пятницу бабушка не кушала даже рыбы, и подавали къ обѣду грибную похлебку, рисовыя котлеты на постномъ маслѣ и клюквенный кисель или оладьи съ вареньемъ. Церковная служба посѣщалась всю недѣлю съ большимъ усердіемъ. Когда мы съ сестрой немного подросли, Страстная недѣля пріобрѣла для насъ особую прелесть, какъ время говѣнья. Въ Москвѣ въ концѣ Великаго поста погода обыкновенно мѣняется: снѣгъ пропадаетъ съ улицъ подъ лучами весенняго солнца, по канавкамъ мостовыхъ весело журчатъ ручейки, на мокрыхъ заборахъ неумолчно чиликаютъ воробьиныя стаи. Въ эту весеннюю пору, уже самое хожденіе въ церковь по три раза въ день доставляло намъ немалое удовольствіе.

Сильно дѣйствовало на дѣтскую душу и сознание, что мы исполняемъ важное, торжественное дѣло вмѣстѣ со старшими, что насъ какъ будто приравняли къ нимъ. Во время говѣнья мы освобождались отъ занятій и пользовались бѣльшей свободой, принимая также дѣятельное участие въ приготовленіяхъ ко встрѣчѣ Свѣтлаго Праздника.

Особенно памятно изъ года въ годъ повторявшееся, по Четвергамъ на Страстной, мытье иконъ, что дѣлалось бабушкою собственноручно (не потому ли въ Четвергъ, что въ этотъ день въ соборахъ совершается обрядъ омовенія ногъ?)

Исповѣдывались мы у нашего приходского священника, отца Погожева. Это былъ добрыйшій „батюшка“, усердный къ службѣ и чувствительный. Онъ часто всхлипывалъ при чтеніи Евангелія и покаянныхъ молитвъ, и по его полному заросшему негустой сѣдьющей бородой лицу, нерѣдко текли слезы.

Помню отчетливо свою первую исповѣдь. Наученный няней Ольгой Матвѣевной, я едва успѣвалъ отвѣчать „грѣшенъ, батюшка“, когда отецъ Андрей привычной скороговоркой спрашивалъ меня, восьмилѣтняго мальчика: „не ругался ли, не чертыхался ли, не клялся ли, не опивался ли?“ и т. под. Въ день причастія, въ Великій Четвертокъ, насъ одѣвали въ лучшее платье и везли къ Ржевской. Позднѣе пріѣзжала туда и бабушка Юлія Ѳедоровна поздравить насъ съ причащеніемъ и увозила домой, гдѣ мы, возбужденные и счастливые, по пріѣздѣ изъ церкви садились пить кофе съ миндальнымъ молокомъ и просвиркой.

Немало заботъ прилагала бабушка Юлія Ѳедоровна и къ нашему ученью. Сама она занималась съ нами Нѣмецкимъ языкомъ и музыкой; тетка Надежда Александровна обучала насъ Русскому языку; жившая въ надворномъ флигелѣ бѣдная дворянка Ольга Ивановна Харламова—ариѳметикъ и Закону Божьему по книжкѣ Ветхаго Заветъа Анны Зонтагъ. Для Французскаго языка приглашена была Француженка немолодыхъ лѣтъ m-me Chaudert, которая отличалась, какъ потомъ узнали, большими странностями. Впрочемъ, насъ она очень полюбила, и мы съ ней научились болтать по-французски. Ни книгъ, ни тетрадей она на своихъ занятіяхъ съ нами не допускала; все велось устно, нагляднымъ обученіемъ. Она водила насъ по комнатамъ, останавливалась передъ картинами и рассказывала намъ ихъ содержаніе. Такимъ путемъ мы быстро усвоили много словъ и выраженій, еще не умѣя ни читать, ни писать.

Вышеупомянутая Ольга Ивановна Харламова была воспитанницей такъ называемаго „Холернаго Института“, куда была принята, оставшись круглой сиротой въ холерный годъ. Бабушка познакомилась съ ней въ домъ графини Морковой, которая принимала въ ней участіе и въ домъ которой на Прѣснѣ Ольга Ивановна жила нѣкоторое время. По смерти графини, бабушка предложила О. И. Харламовой переѣхать къ намъ въ надворный флигель. Здѣсь О. И. прожила много лѣтъ, будучи принята въ семьѣ Розовыхъ, какъ близкій человѣкъ. Жизнь ея окончилась при очень тяжелыхъ условіяхъ: болѣе 17 лѣтъ пролежала она въ постелѣ, страдая сухоткой спинного мозга. Добрые люди устроили ее въ пріютъ для неизлѣчимыхъ больныхъ, гдѣ она и скончалась въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. При своемъ мучительномъ и неизлѣчимомъ недугѣ, почти недвижимая, она до послѣднихъ дней своихъ сохранила свѣжесть ума, острую память и невѣроятную институтскую наивность. Еще за день до смерти интересовалась она нарядами и спрашивала сидѣлку о новомодныхъ шляпкахъ. Мы ее всѣ очень любили и уважали. Ее долгое время лѣчилъ извѣстный въ то время Московскій врачъ Николай Ефграфовичъ Мамоновъ. Однажды, когда Ольга Ивановна заболѣла третьимъ воспаленіемъ легкихъ, Мамоновъ пришелъ предупредить бабушку Юлію Фодоровну, что больная не протянетъ и сутокъ. Ее причастили и соборовали; темныя личности, исполнявшія въ Москвѣ до учрежденія „Бюро процессій“, обязанности этихъ учреждений, появились уже во дворѣ нашего дома, чтобы не пропустить вѣрнаго заработка. Но Ольга Ивановна не оправдала ожиданій ни знаменитаго врача, ни гробовщиковъ: послѣ этой тяжелой болѣзни она прожила еще 17-ть лѣтъ, при чемъ лѣтъ на пять пережила и Мамонова. Ольга Ивановна Харламова любила забавлять насъ пѣсенкой, которая начиналась такъ: „Вотъ идетъ Петруша, черный трубочистъ; хоть лицомъ онъ черенъ, да душою чистъ“.....

Дѣтскіе годы наши проходили въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ: вся жизнь стараго дома слагалась какъ бы для того, чтобы поставить меня и сестру въ рамки правильнаго, уместнаго и нравственнаго развитія. Вопреки обычному въ то время удаленію дѣтей въ дѣтскія комнаты, въ узкій кругъ понятій, приеущихъ міровоззрѣнію нянекъ и гувернантокъ, насъ приобщали къ общей жизни всей семьи; мы проводили съ взрослыми цѣлые дни, чтѣ конечно послужило на нашу пользу именно потому, что самый строй жизни стараго дома былъ въ высшей степени патріархаленъ и строго нравствененъ. Бабушка Юлія Фодоровна давала всему тонъ своихъ личныхъ примѣровъ, своей преданностью къ стародавнимъ обычаямъ, своимъ постояннымъ

служеніемъ долгу: съ 8 часовъ утра на ногахъ, причесанная и одѣтая, она начинала день молитвой передъ кіотомъ въ спальнѣ и тотчасъ же принималась за свои хозяйскія обязанности: заказывала обѣдъ, сводила счеты, выдавала деньги на ежедневные расходы, дѣлала общій обзоръ всего дома, строго выискивая съ прислуги, если гдѣ оказывался недочетъ въ чистотѣ и порядкѣ, затѣмъ шла заниматься съ нами, бралась за какое нибудь рукодѣлье, словомъ, никогда не сидѣла сложа руки. Ея хозяйскій глазъ былъ повсюду, и ничто не ускользало отъ ея зоркаго вниманія. Вотъ почему въ домѣ все блестало чистотой, все было на своемъ мѣстѣ, все дѣлалось во-время и не было ни суеты, ни безпорядка, ни препирательствъ съ прислугой. При большой расчетливости, бабушка Юлія Федоровна не только не была скупой, напротивъ всегда готова была помочь нуждающемуся, выручить челоѣка въ бѣдѣ, оказать матеріальную поддержку обиженному судьбой. Про гостеприимство ея и хлѣбосольство и говорить нечего: рѣдкій день проходилъ у насъ въ домѣ безъ званныхъ и незванныхъ гостей, которыхъ бабушка принимала съ одинаковымъ привѣтливымъ радушіемъ, и дѣлалось это не изъ чванства, а потому что ей доставляло удовольствіе видѣть за своимъ столомъ оживленное общество. Лучшимъ доказательствомъ доброты и гостеприимности Юліи Федоровны служить хотя бы то обстоятельство, что двѣ бѣдныя молодыя дѣвушки, учившіяся въ одномъ пансіонѣ съ моими матерью и теткой, остановились по окончаніи курса въ нашемъ домѣ на нѣсколько дней, до отъѣзда въ провинцію, и прожили у насъ безвыѣздно, въ качествѣ гостей, семь лѣтъ!

Юлія Федоровна была отличной музыканшей; она обладала рѣдкой музыкальной памятью и слухомъ и цѣлыми часами играла на память разъ прослушанныя ею вещи. Иногда брала она гитару п, акомпанируя себѣ, пѣла пріятнымъ голосомъ старинные романсы. Мнѣ особенно помнится одинъ изъ нихъ, который начинался словами: „На берегъ зыбучій собираются тучи...“ Музыка была любимымъ отдыхомъ нашей воспитательницы, и она ей посвящала послѣобѣденные часы, разучивая новыя вещи на рояли, или повторяя любимыя свои сонаты Бетховена. Мы съ сестрой всегда съ восторгомъ слушали ея игру и на всю жизнь сохранили вкусъ къ классической музыкѣ.

Замѣчательно, что Юлія Федоровна не только обрусѣла и прониклась Русскимъ духомъ, но и усвоила многіе взгляды, вкусы, привычки и обычаи чисто-Русскаго свойства. Она не была чужда разныхъ стародавнихъ повѣрій и народнымъ примѣть, которыя проникали въ домъ, конечно, чрезъ прислугу. Когда мы, дѣти, недомогали, она спрыскивала насъ водою „съ уголька“, носила отъ лихорадки ладонку съ

восковыми шариками отъ свѣчи, горѣвшей за 12-ью Евангеліями; не любила встрѣчать на улицѣ духовныхъ особъ („не къ добру“); запрещала по Пятницамъ выгребать золу изъ печей („запылишь Прасковею Пятницу“); встрѣтивъ похороны, по возвращеніи домой, прикладывала обѣ ладони къ изразцамъ печи „чтобы не бояться покойниковъ“. Часто прибѣгала она къ народнымъ средствамъ лѣченіи; такъ отъ мышечныхъ болей поясницы (lumbago) или такъ называемаго „прострѣла“, прибѣгала къ такому курьезному способу: выпарившись въ Русской банѣ и вернувшись домой въ каретѣ или саняхъ съ вѣрхомъ, Юлія Ѳедоровна ложилась ничкомъ на порогъ между двумя дверями; одна изъ домашнихъ старухъ клала ей на поясницу березовый вѣникъ и трижды ударяла слегка по вѣнику топоромъ, при чемъ Юлія Ѳедоровна, лежа на порогѣ, спрашивала: „бабушка, бабушка, что сѣчешь?—старуха отвѣчала: „утинъ“. Юлія Ѳедоровна приговаривала: „сѣки хорошенько, чтобы не болѣло“. Затѣмъ она поднималась и шла къ слѣдующему порогу, гдѣ повторялась таже операція, и такъ до трехъ разъ. Своеобразное лѣченіе это называлось „присѣкать утинъ“*) и, дѣйствовало всегда успѣшно.

Какъ я сказалъ выше, вторая дочь дѣдушки Александра Ивановича Розова Надежда Александровна, младшая сестра моей матери, занималась болѣе моей сестрой Евгеніей, тогда какъ я оставался на попеченіи „старой“ бабушки Дарьи Карловны. Однако тетушка часто звала меня къ себѣ и заставляла читать вслухъ и рассказывать прочитанное. Такъ я познакомился со многими, баснями Крылова и нѣкоторыя любимыя, напр. „Котъ и поварь“, „Зеркало и обезьяна“, „Мартышка и очки“ запомнилъ наизусть, не уча. Маленькое стереотипное изданіе басень Крылова въ одномъ томикѣ, съ прелестными гравюрами, было долгое время моей любимой книгой. Мнѣ особенно нравились въ ней тѣ картинки, которыя изображали разныя домашнія помѣщенія и домашнихъ животныхъ: уголь кухни, гдѣ Васька-котъ припалъ за укуснымъ боченкомъ; освѣщенный отблескомъ луны край чердака, гдѣ мыши рѣшаются, что „сильнѣе кошки звѣря нѣтъ“; кладовая съ круглыми сырами; птичій дворъ, гдѣ въ кучѣ навоза пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно. Не опредѣляются ли вкусы всей послѣдующей жизни первыми дѣтскими впечатлѣніями? Но самое чтеніе вслухъ давалось мнѣ нелегко: привыкнувъ говорить по-нѣмецки, я часто дѣлалъ неправильныя ударенія на малознакомыхъ Русскихъ словахъ

*) Утинъ—геморрой. См. о немъ въ письмѣ царя Алексѣя Михайловича къ Пикону. „Русскій Архивъ“ 1909. П. Б.

и вызывалъ тѣмъ насмѣшки со стороны тетушки, которая не прочь была подразнить меня, называя „Чухонцемъ“ и тѣмъ доводила иногда до слезъ. Тетушка Надежда Александровна, при чрезвычайной своей добротѣ и чуткости, наследовала отъ отца умѣнье подмѣчать смѣшныя стороны и ѣдко ихъ вышучивать. Этой способностью она пользовалась и для воздѣйствія на насъ и, признаюсь, ея насмѣшливое замѣчаніе было чувствительнѣе строгаго выговора. Разъ она подмѣтила, что я склоненъ преувеличивать и сильно подняла эту черту на-смѣхъ. На меня такъ подѣйствовали ея шутки, что я, боясь преувеличить и сказать неправду, сталъ, почти къ каждому своему отвѣту прибавлять слово „кажется“. Меня папримѣръ спрашивали: „Коля, хочешь кушать?“ я отвѣчалъ— „кажется да“ или „кажется нѣтъ“, чтобы потомъ не заслужить упрека, что я преувеличилъ свой голодъ или, наоборотъ, скрылъ его. Меня отучилъ отъ этой дурной привычки мой отецъ, разъяснивши мнѣ, что мужчина-мальчикъ долженъ всегда отвѣчать смѣло и опредѣленно.

Вообще тетушка, какъ всѣ члены семьи Розовыхъ, отличалась своеобразностью и нѣкоторыми причудами. Въ ней не было ничего пошлаго, ни тѣни жеманства, которое было еще въ большой модѣ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ помѣщичьемъ сословіи. На жизнь и людей тетушка смотрѣла очень своеобразно и никогда не стѣснялась высказывать свои мнѣнія, хотя они рѣдко шли въ уровень съ обычно принятыми формулами общественности и морали. Ко всякимъ человѣческимъ слабостямъ тетушка относилась съ большою снисходительностью, но лицемеріе, зависть и сплетня были ей ненавистны, и она клеймила ихъ, гдѣ только могла. Жизнь свою она устроила очень независимо, чему, быть можетъ, способствовало то обстоятельство, что она никогда не могла похвалиться крѣпкимъ здоровьемъ. Авторитетная Юлія Федоровна, во вниманіе къ ея частымъ недомоганіямъ, не взыскивала съ нея за уклоненіе отъ установленнаго уклада домашней жизни. Такъ напр. Надежда Александровна вставала не раньше 12 часовъ, хотя весь домъ былъ на ногахъ уже съ 8-ми; пила утвенній кофе въ постели, отклоняла отъ себя всякія хозяйственныя заботы, ѣздила только въ тѣ семейные дома, которые были ей по душѣ; охотно разговаривала лишь съ тѣми, кого находила занимательнымъ. Всякое свѣтское принужденіе считала она себѣ въ тягость и потому прослыла гордой и необщительной, между тѣмъ такіе выдающіеся люди, какъ Иванъ Михайловичъ Съченковъ (профессоръ), Яковъ Петр. Полонскій (поэтъ), Николай Михайловичъ Павловъ (историкъ) часами съ ней бесѣдовали и находили ея разговоръ интереснымъ, а мнѣнія

ея смѣлыми и оригинальными. Не придерживаясь вовсе модныхъ передовыхъ взглядовъ, Надежда Александровна на многіе нравственные вопросы смотрѣла очень широко, хотя, конечно, не выходила изъ области теоріи и осталась всю жизнь вѣрной прочнымъ устоямъ дореформеннаго уклада. Уже немолодой дѣвицей, лѣтъ 38-ми вышла она замужъ за Константина Михайловича Балашова, вхожаго въ домъ Розовыхъ съ студенческихъ лѣтъ и впоследствии бывшаго профессоромъ анатоміи въ Московскомъ Университетѣ. Дѣтей Надежда Александровна никогда не имѣла и въ преклонные годы перенесла на насъ, т. е. меня и сестру мою. всю теплоту своего сердца, не знавшаго материнства.

Супруги Балашевы жили очень счастливо, и добрые знакомые ихъ нередко называли: „Филимономъ и Бавкидой“,

О супружской жизни Надежды Александровны и Константина Михайловича Балашевыхъ я буду говорить впоследствии.

Вспоминая свое первоначальное дѣтство, не могу не остановить своей благодарной памятью на личности моей няни—Ольги Матвѣевны. Она взята была въ домъ, когда мнѣ было лѣтъ пять, и прожила у насъ до окончанія моего курса въ Московскомъ университетѣ. Худоцавая, нѣсколько сгорбленная, очень некрасивая лицомъ и немолодая, Ольга Матвѣевна отличалась высокими душевными качествами. Къ намъ, дѣтямъ, и особенно ко мнѣ, она была предана безгранично. Меня, еще пятилѣтняго мальчика, она не иначе называла, какъ по имени и отчеству; относясь къ намъ не только съ любовью, но и съ уваженіемъ, радовалась на насъ, но никогда не позволяла себѣ ни малѣйшей фамильярности; ея чувства къ намъ могли бы назваться поклоненіемъ, почти обожаніемъ. Она мыла насъ по очередно въ корытѣ, которое приносилося въ дѣтскую, и часами высиживала у моей постели, когда я былъ нездоровъ. Къ сожалѣнію, по ограниченности своего ума и слабости памяти, Ольга Матвѣевна не знала и не могла разсказывать сказокъ, не пѣла также и пѣсень и вообще говорила мало. Зато рѣчь ея отличалась удивительнымъ качествомъ: она употребляла часто слова, значеніе которыхъ можно было найти только въ словарь Даля. Такъ про зеркало, покрытое копотью и пылью, говорила, что оно „затускмѣное; про бѣлье, высохшее на морозѣ, что оно „уклокло“; а когда на небѣ набѣгали облака, говорила „замолаживаетъ“. Сдѣлавшись постарше, я такія необычныя слова Ольги Матвѣевны записывалъ въ тетрадку. Къ сожалѣнію, тетрадка эта у меня не сохранилась. Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ этихъ словъ моей нянюшки являлись плодомъ ея собственнаго творчества, нерѣдко грѣшившаго противъ правилъ

фонетики. Напр. слово „ушло“ въ примѣненіи къ бѣлью, означавшее, что оно на морозѣ сдѣлалось твердое какъ дерево, какъ „колъ“, отъ корня послѣдняго, повидимому и выводилось. Слушая рѣчь Ольги Матвѣевны, можно было понять замѣчаніе Пушкина, сказавшаго, что самымъ чистымъ Русскимъ языкомъ говорятъ Московскія просфирни.

Печальное событіе въ домѣ Розовыхъ завершаетъ годы моего ранняго дѣтства: 11-го Марта 1866 г. скончался дѣдъ мой Александръ Ивановичъ Розовъ. Недѣль пять до того, возвратившись изъ бани, заболѣлъ онъ рожистымъ воспаленіемъ головы и очень ослабѣлъ втеченіе этой мучительной болѣзни; однако сталъ уже поправляться и однажды вечеромъ спросилъ себѣ кусокъ чернаго хлѣба. Бабушка Юлія Федоровна не рѣшалась сперва, безъ доктора, дать ему на ночь хлѣба, но наконецъ сдалась на его неотступныя просьбы, принесла на тарелкѣ два тонкихъ ломтика, посыпанныхъ солью, и дѣдъ скушалъ ихъ съ жадностью. Но не прошло затѣмъ и полчаса, какъ у него поднялась сильная боль подъ ложечкой. Послали за докторомъ, пробовали всевозможныя средства, ничто не могло помочь ему силы падали съ каждымъ часомъ, и подъ утро его не стало.

Передъ кончиной онъ въ полной памяти простился съ своими домашними, вспомнилъ объ отсутствующемъ сынѣ Константинѣ и простилъ его заочно, а про насъ сказалъ Юліи Федоровнѣ: „не оставляй сиротъ“. Потомъ, спросивъ, который часъ, тихо проговорилъ „конецъ, кончено“... и забылся. Это были его послѣднія слова.

Дѣдушка скончался 72 лѣтъ отъ роду и похороненъ въ Москвѣ на Даниловскомъ кладбищѣ.

С. Петербургъ. 1907 г.

